

— Ты... ты... ты... — Шитоу дёрнулся пару раз, пытаясь то ли возразить, то ли оправдаться, но в итоге лишь уныло пополз к выходу из пещеры. Не успел он сделать и двух шагов, как Янь Чичэн зацепил его за воротник и бесцеремонно притянул обратно.

— Я... я... я... — забормотал Шитоу, запинаясь. — С чего ты вдруг так разозлился? До смерти меня напугал...

Янь Чичэн смерил его холодным взглядом и ровным, безразличным голосом отозвался:

— Я не злюсь.

Шитоу втянул голову в плечи и пробурчал себе под нос:

— Ага, как же. Смотришь так, словно прибить меня готов.

Янь Чичэн едва заметно усмехнулся, хотя в его взгляде не было и капли веселья. Голос, способный проморозить до костей, прозвучал обманчиво мягко:

— Не бойся, бить не буду.

Спустя четверть часа.

— Спину прямо, — скомандовал Янь Чичэн, лениво перебирая тонкими пальцами чётки из тёмного нефрита.

Шитоу жалобно хныкнул, но покорно, весь дрожа, взобрался на вершину высившегося перед пещерой валуна. Эта исполинская скала высотой в добрых три десятка метров по форме напоминала кувшин с заострённой, точно побег бамбука, макушкой. На самом верху были высечены четыре иероглифа: «Персиковый источник Улин». Прямо у подножия валуна начинался склон Утреннего Солнца — самый крутой пик школы Улин. И сейчас там яблоку негде было упасть: прослышав о божественном явлении, ученики школы Улин плотными рядами стояли на коленях, заполнив собой всё пространство.

Шитоу казалось, будто его подвесили посреди неба на всеобщее обозрение. Скривившись от стыда, он уставился на зажатый в кулаке лист рисовой бумаги и выдавил:

— Я виноват!..

Голос его, жалкий и писклявый, точно писк комара, тут же унёс порыв ветра.

— Громче, — велел Янь Чичэн. Спрятав чётки в широкий рукав, он лениво потянулся к вазе с фруктами и сорвал полупрозрачную виноградину.

— Я виноват!!! — зажмурившись, заорал Шитоу. — Я самый... самый большой глупец в

Поднебесной! Не отличаю право от лева, ленив, не привык к труду...

Выкрикивая эти позорные слова, он не выдержал и жалобно разрыдался. Шитоу умоляюще посмотрел на Янь Чичэна, который безмятежно восседал в стороне. Гнев Бессмертного владыки улетучился без следа, уступив место бездонному, как высохший колодец, спокойствию.

— Божество, бессмертный господин, умоляю, сжальтесь! Лучше побейте меня! Я же со стыда сейчас сгорю, пощадите...

— Ещё громче, — мягко произнёс Янь Чичэн. Голос его звучал так же ласково, как за обедом, когда он подкладывал Шитоу лучшие кусочки и приговаривал «ешь побольше». — Иначе прстоишь там до самой ночи.

Шитоу с надеждой уставился на Сюэ Линцзина, моля о спасении, но тут же с досадой отвернулся. Обычно величавый и грозный глава школы Сюэ сейчас сжался перед бессмертным, точно испуганный перепел. Он стоял, низко опустив голову и спрятав руки в рукава халата, боясь издать хоть звук, словно каждое его слово могло стать святотатством.

Делать было нечего, пришлось продолжить позорное чтение:

— Настоящим заявляю: я, первейший дурак в мире, не берёг... не берёг своё тело, бездумно использовал запретное заклятие, едва не навредив себе и чуть не накликав страшную беду! Виновен! Заслуживаю сурового наказания! Впредь обещаю исправиться! А если нарушу обещание, то... то... Янь Чичэн, пощади!

Янь Чичэн даже бровью не повёл, пропустив его жалобный писк мимо ушей.

С видом глубочайшего уныния Шитоу, чьё хорошенькое лицо к этому моменту залила краска густого румянца, выдавил:

—...то буду ползать на руках три круга вокруг горы Улин и сто раз во весь голос зачитывать это покаянное письмо!

Царившее до этого священное безмолвие наконец дало трещину. Ученики Улин старательно прятали глаза, чинно склонившись к земле, однако Шитоу отчётливо уловил сдавленные смешки и шорох, пробежавший по толпе.

«Всё, пропала моя репутация, навеки опозорен...»

Шитоу готов был сквозь землю провалиться от стыда. В этот момент Янь Чичэн небрежно спросил:

— Усвоил урок?

— Усвоил, усвоил! Всё понял! — Шитоу закивал с такой частотой, словно курица, клюющая зерно. Силы окончательно оставили его, ноги подкосились, и он без сил шлёпнулся на плоскую макушку камня. — Янь Чичэн, ну сними меня отсюда, быстрее!

— Раз усвоил, повтори ещё пару раз, чтобы закрепить, — Бессмертный владыка откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, погружаясь в безмятежную полудрёму.

Шитоу завыл в голос.

Вконец обезумев, он принялся выкрикивать слова покаяния без всякого разбора. Время тянулось бесконечно. Под конец Шитоу казалось, что душа его вот-вот покинет тело: он заплетающимся языком бубнил бессмысленный набор звуков, закатывая глаза точно пьяница. Наконец Янь Чичэн сжалился и позволил ему спуститься. Радость мгновенно вернула Шитоу к жизни. Словно приняв чудодейственную пилюлю, он взвился на ноги и ласточкой сиганул с тридцатиметровой вершины прямо на Янь Чичэна.

Однако ловить его никто не собирался. Янь Чичэн лишь слегка повёл широким рукавом, и невидимый поток воздуха бережно опустил прыгуна на лежащий поблизости мягкий пуфик.

Шитоу обиженно надулся:

— Разлюбил ты меня, вот и всё.

— Ещё раз воспользуешься этим заклинанием, и я наложу на твою духовную силу печать, — спокойно пообещал Янь Чичэн. — Говори, зачем звал?

Услышав про «печать» — а в голове у него явно промелькнуло совсем иное толкование этого слова, — Шитоу внезапно залился густым румянцем. Однако, вспомнив о деле, он поспешил проглотить готовые сорваться с языка дерзости и посерьёзnel:

— Ты ведь знаешь о весеннем пожирающем парчу черве?

Янь Чичэн молча посмотрел на него, и Шитоу расценил это как знак согласия.

— Говорят, в те времена бессмертные подчистую вырезали всех обитателей Пути призраков. Мне вот стало любопытно: как этим червям удалось выжить?

— У пожирающего парчу червя есть две души: инь и ян, — лаконично пояснил Янь Чичэн.

Шитоу растерялся:

— А?

— Как известно, у призраков нет плоти, лишь чистый дух, — Янь Чичэн легонько щёлкнул Шитоу по лбу согнутым пальцем. — На Пути призраков есть водопад Летящего Дракона, берущий начало в Небесных чертогах и низвергающийся в Десять резиденций Пути призраков. Весенний пожирающий парчу червь рождается у самого истока этого водопада. Каждую весну личинки устремляются вниз по течению, чтобы плодиться в тихой заводи у подножия.

Шитоу удивлённо причмокнул губами:

— Выходит, раз они рождаются в Небесных чертогах, то не такие уж и порождения тьмы?

— Напротив, — Янь Чичэн качнул головой. — Первозданная чистота Небес оберегает личинок от мирской скверны. Но именно поэтому, низвергаясь с высот в преисподнюю в своём первозданном виде, они перерождаются в истинных призрачных чудовищ — куда более чистых и ядовитых, чем обычная нечисть.

— И из-за этого у них две души? — с любопытством спросил Шитоу. Он утащил с тарелки виноградину, разжевал её, но тут же сморщился и выплюнул. — Тьфу, вкус какой-то странный.

— Душа ян — воплощение зла, в то время как душа инь — абсолютная чистота. Когда он истреблял нечисть на Пути призраков, черви, почуяв гибель, разделили свои сущности и бросились врассыпную. Он... недолюбливал всяких ползучих гадов, возиться с ними не захотел, а потому просто выжег янские души и поспешил отчитаться перед Небесным императором. Без своей тёмной половины пожирающие парчу черви стали безобидны, точно обычные букашки. За прошедшие сотни лет никто и слыхом не слыхивал, чтобы они доставили хоть какие-то хлопоты.

Шитоу тонко уловил, как изменился голос Янь Чичэна при упоминании этого таинственного «он». То ли выдох стал глубже, то ли язык коснулся зубов чуть мягче, но привычные холодные интонации на миг потеплели, уподобившись лёгкому, едва слышному касанию струн циня.

— Кто это «он»? — не удержался от вопроса Шитоу. — Поведай мне, а?

Прежде чем Янь Чичэн успел ответить, у входа в пещеру раздался резкий грохот — кто-то случайно задел глиняный аптекарский котелок. Тот с шумом полетел на камни и разлетелся на мелкие осколки.

— На все вопросы я ответил, — Бессмертный владыка поднялся с места и неторопливо направился к выходу. — Впредь не смей призывать меня по пустякам. Если возникнет настоящее дело — наберись смелости и возвращайся на озеро Малого Зеркала.

— Постой, я же ещё не... — возмущённо закричал Шитоу, бросаясь следом за ним.

— В дела школы Улин, — Янь Чичэн внезапно замер, и Шитоу, не успев остановиться, наткнулся носом прямо на его спину, — тебе соваться запрещено.

— Это ещё почему?! — Шитоу, которому в очередной раз не дали высказаться, вспыхнул от злости. Но не успело эхо его гневного выкрика утихнуть, как силуэт Бессмертного владыки растаял в воздухе.

Шитоу осталось лишь в бессильной ярости пинать пустоту:

— А вот и буду лезть! Думаешь, я не вижу, что ты просто трусил перед призраками? Да не бойся ты! За одну совместную ночь — сто дней благодарности, твой старший брат Ши тебя в обиду не даст! А ты можешь и дальше прятаться под одеялом, дрожать и плакать!

<http://bllate.org/book/18360/1798437>